

УДК 930
ББК 63

МИФ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: генерационный аспект

Л.А. Сидорова

Аннотация. В статье поставлены вопросы отношения двух первых поколений советских историков — «старой профессуры» и «красных профессоров» — к исторической истине. Показано, что в исторической науке России 1920–1930-х гг. стремление к объективности историков «старой школы» сосуществовало с партийным идеологическим заказом молодых историков-марксистов. Неизбежность создания исторических мифов коренилась в менталитете «красной профессуры» и была востребована советским обществом.

Ключевые слова: советская историческая наука, «старая профессура», «красная профессура», революционный иску, мифотворчество.

MYTH IN SOVIET HISTORICAL SCIENCE: The Generational Aspect

L.A. Sidorova

Abstract. The article raises questions about the relationship of the first two generations of Soviet historians — the “old professors” and the “red professors” — to historical truth. It is shown that in the historical science of Russia of 1920–1930-ies the striving for objectivity of the historians of the “old school” coexisted with the party ideological order of young Marxist historians. The inevitability of the creation of historical myths rooted in the mentality of the “red professorship” and was in demand by Soviet society.

Keywords: Soviet historical science, “old professorship”, “red professorship”, revolutionary temptation, myth-making.

Два поколения-антипода, работавшие в советской исторической науке первой половины XX века, — историки «старой школы» и «красные профессора» — различа-

лись по своему социальному происхождению, полученному воспитанию и образованию, мировоззрению, по принципам научной деятельности (выбор тематики исследования, его

методологии, отношение к источнику и пр.). Значительно рознились они, в том числе, и в понимании истины в исторической науке.

Позицию подавляющей массы молодых историков-марксистов с предельной ясностью и прямоотой сформулировала одна из виднейших их представителей А.М. Панкратова, когда, уже в годы хрущевской «оттепели», ретроспективно оценила деятельность свою и своих коллег по историческому цеху в годы сталинского руководства страной. «Товарищи считали, — сказала она, — что выполняют свой партийный большевистский долг, когда они в известной мере прикрашивают историю» [1, л. 303]. Мотив такого «прикрашивания» истории был ею назван, но степень его использования историками осталась не раскрыта, а она могла варьироваться от элементов умолчания до создания полномасштабных мифов.

Здесь следует уточнить, что имеется в виду под понятием «миф». Как определено в терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки», это понятие является одним из ключевых в западной культуре, начиная с античности, причем различные его трактовки связаны со сближением с понятием «логос» и ему же противопоставлением [2, с. 291-294]. Миф применительно к советской исторической науке рассматривается автором как антитеза научности. Он характеризуется отказом от критического анализа события или деятельности лица, вокруг которых создается миф, гиперболизацией положительных или отрицательных их черт, что приводит к искажениям в

отображении исторического прошлого и его деятелей. Вместе с тем, исторический миф содержит в себе и реальные исторические факты. Причины конструирования мифов могли варьироваться (от искренней увлеченности до откровенной конъюнктуры), но их результатом всегда становилось искажение прошлого.

Точке зрения историков-марксистов, допускавших возможность «прикрашивания» истории в интересах партии, противостояла позиция многих ученых «старой школы», работавших в советское время. Они полагали, что наука и политика должны развиваться каждая по своим законам, что наука не обязана следовать политической указке, подстраиваться под смену общественных настроений. Однако влияние последних на историков и, в конечном счете, на создававшиеся ими работы и историческую науку в целом они видели и признавали, но стремились свести к минимуму воздействие внешних факторов на науку.

Так, предметом подобных раздумий М.М. Богословского, непревзойденного знатока эпохи Петра Великого, стала речь ректора Московского университета М.К. Любавского. Она открыла заседание Совета университета 5 марта 1917 г., который собрался после свержения самодержавия и победы Февральской революции в России. В ней М.М. Богословского насторожила двойственность заявленных позиций. Он был солидарен со словами ректора, с которых тот начал свое выступление, — «Вчера мы хоронили старую монархию. *De mortuis aut bene aut nihil*¹» [3, с. 320], но за-

¹ Об умерших либо хорошо либо ничего (лат.).

тем продолжение речи М.К. Любавского его немало озадачило и расстроило.

Михаил Михайлович полагал, что произнесенного латинского изречения было вполне достаточно для выражения отношения к произошедшему в стране политическому перевороту. «Однако сказал для чего-то, — записал историк в своем дневнике, цитируя М.К. Любавского, — что в ряду монархов были фигуры мрачные, трагические, трагикомические и даже комические..., что монархия пала, потому что обнаружилась негибкость, неспособность принять формы, соответствующие новым течениям жизни». Во многом соглашаясь с мнением своего коллеги, он, тем не менее, считал, что «все это верно, но изображать в мрачных и только мрачных тонах фигуры прежних монархов было напрасно. В них были и очень светлые стороны» [там же].

Анализируя события прошедшего дня, М.М. Богословский затронул одну из основополагающих проблем исторической науки — необходимость объективности исследования. Он выразил убеждение, что историк обязан беспристрастно отмечать и сильные, и слабые стороны монархов [там же], не создавая тем самым плодородной почвы для возникновения мифов о героях или злодеях. Его заботила нравственная позиция историка как основа для непредвзятого изучения истории.

Тем не менее, М.М. Богословский выказал понимание всей трудности сохранения историком беспристрастности. Нелегко быть непредубежденным, особенно когда «выбивают из научной колеи газеты, хамски топчу-

щие в грязь то, перед чем вчера пресмыкались» [там же, с. 322], — писал он 7 марта 1917 г.

Историк был уверен, что февральский переворот — не единичное политическое событие, что «он захватит и потрясет все области жизни и социальный строй, и экономику, и науку, и искусство». «Я предвижу, — писал М.М. Богословский, — даже религиозную реформацию». Он ожидал, что особенно сильное влияние Февраля испытает на себе русская историческая наука: «Новые современные вопросы пробудят новые интересы и при изучении прошлого, изменятся точки зрения, долго внимание будет привлекаться тем, что выдвинулось теперь, будут изучаться с особенным напряжением революционные движения в прошлом. Положительное, что сделано монархией, отступит на второй план» [там же, с. 322-323].

Историк во многом предугадал дальнейший ход развития отечественной исторической науки. «Надолго исчезнет спокойствие тона и беспристрастие», — такой прогноз был им дан 8 марта 1917 г. Еще более очевидным это стало, когда Февраль уступил место Октябрю. Тем не менее, М.М. Богословский верил в восстановление в конечном итоге научности исследований, однако задавался вопросом, «как долго ждать этого». Свой оптимизм он черпал из убеждения, что «наука наукой останется и после испытанной встряски. Методы не поколеблешь общественным движением. Наука — одна из твердых скал среди разбушевавшегося моря» [там же, с. 323].

В советский период своей исследовательской деятельности М.М. Бо-

гословский продолжал следовать такому пониманию задач исторической науки. Для него, как человека глубоко и искренне верующего, оно имело свои дополнительные основания, так как сознательное пренебрежение исторической правдой вело к нарушению одной из десяти библейских заповедей — «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20, 10).

После победы Октябрьской революции и прихода к власти большевиков процесс создания новых исторических героев прошлого и настоящего шел рука об руку с профессиональным становлением самих молодых историков-марксистов. Как и предвидел М.М. Богословский, заглавные места в их работах получили герои народной вольницы, деятели революционного движения и, конечно, лидеры правящей большевистской партии. На одной из таких книг — монографии Э.Б. Генкиной «Борьба за Царицын в 1918 году» — остановимся особо, предварив рассмотрение небольшим рассказом о ее авторе.

Путь Эсфири Борисовны (1901–1978) в советскую историческую науку был типичным для первого марксистского поколения историков, к которому она принадлежала. Она родилась в Екатеринославе, в семье торговца; в 1919 г. закончила городское коммерческое училище. Однако уже в следующем, 1920 году ее жизнь круто изменилась. Юная девушка, увлеченная «музыкой революции», в Харькове вступила в члены РКП(б) [4, д. 6], начала работать партийным инструктором и затем была командирована на учебу в Москву — в 1920–1923 гг. она училась в Комму-

нистическом университете им. Свердлова, а с 1925 по 1930 г. — в Институте красной профессуры.

Э.Б. Генкина не только изучала исторический материализм и историю, но, в соответствии с требованиями новых советских вузов, совмещала академические занятия с практической общественно-пропагандистской деятельностью, параллельно с учебной читая лекции по ленинизму. С 1935 г. она работала научным сотрудником секретариата Главной редакции 5-томной «Истории гражданской войны в СССР». Появление ее книги об одном из событий Гражданской войны было вполне закономерным, как неслучайными были основная идея и содержание исследования, которое можно рассматривать как один из кирпичиков в основание грандиозного мифа о СТАЛИНЕ. Тут следует сразу же оговориться: печать времени, ярко проявившаяся в этой работе Э.Б. Генкиной, не может и не должна заслонить собою несомненные достоинства книги — использование большого количества документальных материалов (из архива, который образовался при подготовке «Истории Гражданской войны», центральной и местной прессы и т.д.) и введение многих из них в научный оборот, стремление максимально полно раскрыть избранную тему (конечно, с большевистских позиций).

Итак, главным героем монографии Э.Б. Генкиной был И.В. Сталин. Хотя в аннотации к книге говорилось, что «автор рассказывает, как героическая Красная Армия и царицынские пролетарии под руководством товарищей Сталина и Ворошилова и их ближайших помощников — Буденного, Пархоменко, Кулика, Щаденко и

Руднева отразили наступление белых и отстояли советскую крепость на Волге — город Царицын» [5, с. 2], основное внимание исследователя было сосредоточено на изложении деятельности И.В. Сталина.

Само название монографии сразу же настраивает читателя на определенный лад. Именно слово «борьба», а не принятые в военной истории термины — «наступление», «оборона», «сражение» и т.п. подчеркивает особый, эпический смысл, который вкладывала Э.Б. Генкина в события, разворачивавшиеся вокруг Царицына в 1918–1919 гг.

Повестью о И.В. Сталине, она использовала классические приемы раскрытия образа героя, будь то былинный богатырь или знаменитый воитель прошлого. Как и подобает герою, которого высшие силы выводят на авансцену в момент наивысшего накала событий, И.В. Сталин появился в Царицыне в период наибольшей опасности для молодого советского государства. Для того чтобы предельно заострить на этом внимание, Э.Б. Генкина во введении к своей монографии большое внимание уделила характеристике Царицына как города, от исхода борьбы за который зависел не только исход Гражданской войны, но и само существование советской республики. «Только в свете исключительного значения Царицына в 1918 г., — писала она, — становится полностью понятным, почему Ленин на самый важный, самый опасный и решающий участок направил своего лучшего соратника — товарища Сталина. Как это бывало не раз, партия поручила товарищу Сталину тот участок, который решал судьбы всей страны» [5, с. 12].

Для усиления и подкрепления своего тезиса Э.Б. Генкина привлекла высказывание К.Е. Ворошилова из его изданной в 1937 г. книги «Сталин и Красная армия». Приведем его так, как цитировала Эсфирь Борисовна: «Там, где было относительно спокойно и благополучно, где мы имели успехи, — писал т. Ворошилов, — там не было видно Сталина. Но там, где в силу целого ряда причин трещали красные армии, где контрреволюционные силы, развивая свои успехи, грозили самому существованию советской власти, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, катастрофу, — там появлялся т. Сталин. Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твердые руки руководство, он ломал, был беспощаден и — создавал перелом, оздоровлял обстановку» [там же].

В этой цитате присутствуют многие другие атрибуты, сопутствующие образу героя — от появления в решающем месте в решающее время до описания титанических усилий по преодолению врага.

Курсивом Э.Б. Генкина выделена два основных направления деятельности И.В. Сталина в период его пребывания в Царицыне — с 6 июня по 20 октября 1918 г. Особо следует отметить, как они оба были ею сформулированы и поданы — в высоком стиле, рефреном, что должно было отвечать масштабу его личности: *«Товарищ Сталин стал во главе объявленного партией похода миллионов трудящихся, «крестового похода», как называл его Ленин, за хлебом для голодающей страны.*

Товарищ Сталин стал во главе армий Южного фронта на решаю-

щем участке обороны страны, в Царицыне, для того чтобы разгромить донскую контрреволюцию Краснова и защитить молодую Советскую республику в грозные и тяжельые для нее дни» [там же].

Рассказывая о деятельности И.В. Сталина, Э.Б. Генкина также придерживалась канонов описания деяний героев. У СТАЛИНА, как и у них, соответственно, не было ошибок, сомнений, колебаний; он всегда действовал прозорливо, опираясь на помощь своих сподвижников. Так, цитируя статьи И.В. Сталина, посвященные положению дел на Северном Кавказе, на Дону, на Кубани и в Закавказье, которые были опубликованы в «Правде» 23 мая и 1 июня 1918 г., сталинский вывод о неизбежности дальнейшего обострения классовой борьбы в этих регионах России она именует не только «прогнозом», а даже «предвидением товарища Сталина». «То, что в мае было возможностью, в июле стало фактом» [там же, с. 53], — заключила Э.Б. Генкина.

Образ героя традиционно включает в себя признание его авторитета противной стороной. Эта черта выделена у Э.Б. Генкиной особо. Она писала, что его уму и силе отдавали должное даже классовые враги. В доказательство она привела свидетельство начальника штаба Северо-Кавказского военного округа А.Л. Носовича, белого агента в Красной армии [6, с. 118-121], деятельность которого была как раз остановлена И.В. Сталиным. А.Л. Носович писал в своем докладе А.И. Деникину, что его тайная миссия была разрушена «благодаря появлению энергичного и умного комиссара Джугашвили, который разгадал мою задачу и, арестовав

меня, Ковалевского и все артиллерийское управление, вырвал инициативу из моих рук» [5, с. 127].

Герой книги Э.Б. Генкиной болел, что соответствовало году ее издания, с врагами явными — белогвардейцами и скрытыми — Л.Д. Троцким, Л.Б. Каменевым, Г.Е. Зиновьевым и их сторонниками, пользуясь безусловной поддержкой красногвардейцев и царицынского пролетариата и побеждая. В подтверждение последнего тезиса она ссылается на публикации в издававшейся на Царицынском фронте газете «Солдат революции». «О любви и преданности, о непререкаемом авторитете, о крепчайшей связи красноармейцев со своим вождем товарищем Сталиным свидетельствовали многочисленные приветствия, которые они посылали товарищу Сталину, письма, в которых они сообщали об одержанных ими победах» [там же, с. 131], — писала Э.Б. Генкина.

Однако время вносило свои корректировки в трактовку образа самого И.В. Сталина и в оценку роли обороны Царицына в истории Гражданской войны в России. Критика культа личности Сталина обусловила появление статьи С.Ф. Найды и Ю.П. Петрова, в которой Царицын рассматривался уже как один из эпизодов Гражданской войны [7, с. 3-15], а организатором победы на этом и других участках ее фронтов была названа Коммунистическая партия. Налицо — развенчание героя, которое, тем не менее, оставляет актуальным вопрос: как оценить участие историков-марксистов, а монография Э.Б. Генкиной не была исключением, в таком мифотворчестве? И было ли это для них именно мифотворчеством? И как

соотнести заклеянный ими «буржуазный объективизм» историков «старой школы» с их «прикрашиванием» истории?

Сразу же напрашивается вывод о безусловном приоритете позиции «старой профессуры». Несомненно, с точки зрения науки точность и беспристрастность исследования является неоспоримым достоинством и приоритетом. Однако, как ни странно это может показаться на первый взгляд, на помощь историкам-марксистам может быть призвана русская классическая литература. Пусть в роли третейского судьи выступит А.С. Пушкин, конкретнее — Поэт из его стихотворения «Герой» (1830) [8, с. 249-251].

«Герой» — это одно из самых известных и досконально разобранных литературоведами стихотворение великого поэта, посвященное кумиру наступившего XIX века — Наполеону Бонапарту. Оно построено как диалог между Поэтом и Другом, в котором каждый из них отвечает на вопрос: «*Что есть истина?*» — служащий эпиграфом к стихотворению.

Пересказывать А.С. Пушкина — дело неблагоприятное, поэтому приведем стихотворение целиком:

Друг

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной

Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

Поэт

Все он, все он — пришлец сей
бренный,
Пред кем смирились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Друг

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?
Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля, — и молчит?

Поэт

Нет, не у счастья на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне;
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами

Клянусь: кто жизнью своей
 Играл пред сумрачным недугом,
 Чтоб ободрить угасший взор,
 Клянусь, тот будет небу другом,
 Каков бы ни был приговор
 Земли слепой...

Д р у г

Мечты поэта —

Историк строгий гонит вас!
 Увы! его раздался глас,—
 И где ж очарованье света!

П о э т

Да будет проклят правды свет,
 Когда посредственности хладной,
 Завистливой, к соблазну жадной,
 Он угождает праздно! — Нет!
 Тьмы низких истин мне дороже
 Нас возвышающий обман...
 Оставь герою сердце! Что же
 Он будет без него? Тиран...

Д р у г

Утешься ...

Итак, среди всех подвигов «вечанного вольностью ратника» наивысшим Поэт считает посещение Наполеоном во время похода в Египет и Сирию 1798–1799 гг. чумного госпиталя в Яффе. Однако собеседник Поэта, ссылаясь на воспоминания секретаря Бонапарта Бурьена, отрицает достоверность этого факта, что, по его мнению, должно было разрушить образ героя, который сложился у Поэта.

Но этого не происходит. В ответ Поэт произносит фразу, самую, пожалуй, известную из этого стихотворения — «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман...». Вымышлен этот эпизод или имел место в действительности, Поэту не важно. Главное для него — такое ду-

шевное движение Наполеона соответствует его представлениям о Герое. Как не существенно это было бы, вероятно, и для французской публики, в 1804 г. восторженно встретившей выставленное в Парижском салоне полотно живописца-романтика А.-Ж.Гро «Наполеон возле больных чумой в Яффе». Героико-романтический образ Бонапарта в тот момент времени был более чем уместен.

Истолкование пушкинских строк может быть различным. Рискну предложить свое понимание применительно к позиции многих, если не всех молодых историков-марксистов 1920–1930-х гг. Их воодушевленность совершившимся на их глазах и, более, при их непосредственном участии социальном перевороте создавала благоприятный психологический фон для сотворения и транслирования идеологических мифов. Величие коммунистической идеи помогло в определенных случаях жертвовать исторической правдой.

Также следует подчеркнуть еще один момент. Советские историки первой марксистской генерации были одновременно историками-пропагандистами, а жанр пропаганды, как известно, отличается от академической науки. Они обращались не только к разуму своих читателей и слушателей, но и к сердцам. Поэтому слова Луки из пьесы М. Горького «На дне» — «Не всегда правдой душу вылечишь» не утратили для них своего значения. Учитывая все вышесказанное, очевидно, что из-под пера Э.Б. Генкиной в 1940 г. иной образ И.В. Сталина появиться просто не мог.

Нельзя не сказать и об огромной сложности той задачи, которую брали на себя историки, исследуя дея-

тельность столь сложных и неоднозначных исторических деятелей. Выяснить, что именно стояло за их поступками и решениями, было подчас крайне трудно даже для их сподвижников. Проиллюстрируем это положение рассуждениями Е.В. Тарле о Наполеоне и том периоде его жизни, о котором шла речь в пушкинском стихотворении.

«Любопытно отметить, — писал Е.В. Тарле в третьей главе «Завоевание Египта и поход в Сирию. 1798–1799 гг.» своего фундаментального исследования «Наполеон», — что во время этого тяжкого обратного пути из Сирии в Египет главнокомандующий делил с армией все трудности этого похода, не давая себе и своим высшим начальникам никакой поправки. Чума насаждала все более и более. Чумных оставляли, но раненых и больных не чумой брали с собой дальше. Бонапарт велел всем спешиться, а лошадей, все повозки и экипажи предоставить под больных и раненых. Когда после этого распоряжения его главный заведующий конюшней, убежденный, что для главнокомандующего должно сделать исключение, спросил, какую лошадь оставить ему, Бонапарт пришел в ярость, ударил вопрошавшего хлыстом по лицу и закричал: “Всемирно идти пешком! Я первый пойду! Что, вы не знаете приказа? Вон!”

За этот и подобные поступки солдаты больше любили и на старости лет чаще вспоминали Наполеона, чем за все его победы и завоевания. Он это очень хорошо знал и никогда в подобных случаях не колебался; и никто из наблюдавших его не мог впоследствии решить, что и когда тут было непосредственным движением,

а что — наиграно и обдуманно. Могло быть одновременно и то и другое, как это случается с великими актерами. А Наполеон в актерстве был действительно велик...» [9, с. 72]. Думается, что в определенной степени историки воспринимали готовые мифы, которые предлагались им самими героями будущих монографий.

Таким образом, обаяние коммунистической идеи и постепенно укреплявшаяся на протяжении второй половины 1920–1930-х гг. догматическая модель использования марксистской парадигмы исследований способствовали активному участию молодых историков-марксистов в создании мифов или их элементов в советской исторической науке. Этот процесс подпитывался имевшейся в обществе в целом готовностью воспринимать эти мифы. Изменить подобную практику могли только шедшие практически параллельно изменения в мировосприятии самих историков и встречные ожидания общества. Этому способствовали и историки «старой школы», которые в процессе повседневных научных контактов с историками-марксистами, несмотря на существовавшую между ними разницу в исследовательских подходах, передавали им свой научный опыт, умение работать с историческими источниками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив РАН. — Ф. 697. — Оп. 2. — Д. 70.
2. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. — М.: Аквилон, 2014. — 576 с.
3. Богословский, М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея [Текст] / М.М. Богословский. — М.: Время, 2011. — 800 с.

4. Генкина, Э.Б. Борьба за Царицын в 1918 году. [Текст] / Э.Б. Генкина. — М.: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1940. — 220 с.
5. Научный архив ИРИ РАН. — Ф. 10. — Оп. 5. — Д. 6.
6. Ганин, А.В. Анатолий Носович: «Я мог сдать Царицын белым...» Противостояние белых подпольщиков и И.В. Сталина в штабе Северо-Кавказского военного округа [Текст] / А.В. Ганин // Родина. — № 7. — 2017. — С. 118-121.
7. Найда, С.Ф., Петров, Ю.П. Коммунистическая партия — организатор победы на Восточном фронте в 1918 году [Текст] / С.Ф. Найда, Ю.П. Петров // Вопросы истории. — № 10. — 1956. — С. 3-15.
8. Пушкин, А.С. Герой [Текст] / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 тт. — Т. 2. М.: «Художественная литература», 1974. — С. 249-251.
9. Тарле, Е.В. Наполеон [Текст] / Е.В. Тарле // Тарле Е.В. Соч. : в 12 т. — Т. VII. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. — 434 с.
10. *ogo muzeya*, Moscow, Vremya, 2011, 800 p. (in Russian)
3. Ganin A.V., Anatolij Nosovich: “Ya mog sdat Tsaricyn belym” Protivostoyanie belyh podpolshchikov i I.V. Stalina v shtabe Severo-Kavkazskogo voennogo okruga, 2017, No. 7, pp. 118-121. (in Russian)
4. Genkina Eh. B., *Borba za Tsaricyn v 1918 godu*, Moscow, Politizdat pri CK VKP(b), 1940, 220 p. (in Russian)
5. Najda S.F, Petrov Yu.P., *Kommunisticheskaya partiya — organizator pobedy na Vostochnom fronte v 1918 godu, Voprosy istorii*, 1956, No. 10, pp. 3-15. (in Russian)
6. *Nauchnyj arhiv IRI RAN*, F. 10, Op. 5, D. 6. (in Russian)
7. Pushkin A.S., “Geroj”, in: Pushkin A.S., *Sobr. soch.*: v 10 t., tt. 2, Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1974, pp. 249-251. (in Russian)
8. Tarle E.V., “Napoleon”, in: Tarle E.V., *Sochineniya v dvenadcati tomah*, t. VII, Moscow, Izdatelstvo akademii nauk SSSR, 1959, pp. 13-434. (in Russian)
9. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar*, ed. A.O. Chubaryan, Moscow, Akvilon, 2014, 576 p. (in Russian)

REFERENCES

1. *Arhiv RAN*, F. 697, Op. 2, D. 70. (in Russian)
2. Bogoslovskij M.M., *Dnevnik (1913–1919): Iz sobraniya gosudarstvennogo istorichesk-*

Сидорова Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр «Историческая наука России», Институт российской истории, Российская академия наук, lasidorova@rambler.ru

Sidorova L.A., ScD in History, Leading Researcher, Center “Historical Science of Russia”, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, lasidorova@rambler.ru